

Изъ записокъ графа Ѳ. Г. Головкина ¹⁾.

I.

Д'Аваре, Азара.

Въ продолженіе долгаго времени, а именно — во время своего пребыванія въ Веронѣ, король Людовикъ XVIII оказывалъ особенное довѣріе графу д'Аваре, гвардейскому капитану. Онъ умно разставилъ перекладныя, когда государь его спасался изъ Франціи, и король, довольный предложомъ, оправдывавшимъ въ его глазахъ благосклонность, въ сущности, впрочемъ, неизвинительную, повторялъ съ аффектаціей, что онъ ему обязанъ жизнію. Вслѣдствіе этого, онъ позволилъ ему присвоить себѣ французскій гербъ, вмѣсто его собственнаго, герба рода Безіадъ, и прибавить къ нему, вмѣсто девиза, число того дня, когда они оба переѣхали границу королевства. Я осмѣлился спросить, что бы еще сдѣлалъ король Людовикъ XVIII въ пользу маркиза де Бульё, если бы путешествіе въ Варенъ удалось? но ослѣпленіе господина могло равняться только нахальству незначительнаго человѣка, который часто, обращеніемъ своимъ съ королемъ, приводилъ въ затрудненіе присутствовавшихъ, и, вмѣшиваясь во все съ чрезвычайной самоувѣренностію, приносилъ большой вредъ дѣламъ его величества.

Однажды, когда можно было того всего наименѣе ожидать,

¹⁾ Записки графа Ѳ. Г. Головкина, бывшаго русскимъ посланникомъ въ Неаполѣ въ концѣ царствованія императрицы Екатерины, далеко не всѣ извѣстны по напечатаннымъ уже извлеченіямъ. Нѣкоторые отрывки изъ нихъ, ярко характеризующіе эпоху и самого автора, мы и предлагаемъ вниманію читателей въ русскомъ переводѣ.

прибыль съ опасностію жизни, проѣхавъ черезъ всю Францію, адъютантъ г. де Шарета, въ качествѣ довѣреннаго лица главы Вандейскаго возстанія. Онъ привезъ извѣстія съ предложеніями самой высокой важности и проекты вполне разсудительные, чего нельзя было сказать про проекты, составленные на собраніи въ Веронѣ. Какъ только этого героя ввели въ кабинетъ короля, какъ тотчасъ же въ него вошелъ г. д'Аваре, изъ внутреннихъ комнатъ и, безъ церемоній, бросился въ кресло.— „Ваше в-ство, кто это?“ спросилъ пораженный вандеецъ.— „Это“, отвѣчалъ король, сконфуженный дерзостью своего фаворита и гнѣвомъ военнаго, „это графъ д'Аваре, который спасъ мнѣ жизнь; онъ же и отвезетъ меня во Францію“.— „Странно, ваше в-ство, что мы никогда не слышали о немъ. Человѣкъ, вполне заслужившій вашу благосклонность, долженъ бы быть отправленъ къ г. де Шаретъ“. Разговоръ становился щекотливымъ и, къ довершенію неловкости, фаворитъ, желая, какъ говорится, прервать разговоръ, вынулъ часы,—и сказалъ, какъ если бы короля тамъ не было:— „шесть часовъ; я отвезу васъ сейчасъ въ оперу“.— „Уже шесть лѣтъ, какъ добрые французы туда болѣе не ѣздятъ“; и вандеецъ, бросивъ презрительный взглядъ, вышелъ изъ кабинета, не ожидая приказаній короля. Шаретъ сказалъ намъ, т.-е. графу д'Е. и мнѣ:— „Предупредите короля, что если когда-нибудь онъ привезетъ намъ такихъ негодяевъ... въ Вандею, мы станемъ ихъ вѣшать“. Въ виду того, что, согласно моимъ инструкціямъ ¹⁾, я долженъ былъ находиться въ распоряженіи французскихъ принцевъ, насколько, по моимъ соображеніямъ, это могло входить въ ихъ интересы и соотвѣтствовать принципамъ моего двора, во все время пребыванія моего тамъ, я велъ дѣятельную переписку съ королемъ и его совѣтниками. Г. д'Аваре безпрестанно примѣшивалъ свою прозу, и, чтобы судить объ ея остроуміи, достаточно знать, что какъ-то онъ послалъ мнѣ пространную докладную записку съ приглашеніемъ неаполитанскому королю продать всѣ свои охотничьи экипажи, а вырученныя суммы обратить въ пользу своихъ французскихъ двоюродныхъ братьевъ. Это было все равно, какъ если бы предложить Фердинанду отказаться отъ жизни.

Здоровье г. д'Аваре, всегда очень плохое, ухудшилось еще со времени пребыванія его въ Миланѣ и заставило удалиться изъ одного климата въ другой, до Мадеры включительно, гдѣ

¹⁾ Въ бытность Головкина посланникомъ (министромъ) Россіи въ Неаполѣ (1794- 1796).

онъ и умеръ. Король, въ подтвержденіе своего мнѣнія, которое всегда старался высказывать относительно его заслугъ, потому что не могъ уже болѣе его терпѣть, возвелъ отца его въ герцогское достоинство и званіе гардеробмейстера, назначивъ большіе оклады и, что еще хуже того,—съ утвержденіемъ герба. Безіады были не знатнаго рода, но отецъ графа д'Аваре, перваго герцога, женился на M-lle де Нель, сестрѣ княгини де Монбарей и извѣстной графини Куялись, и такимъ путемъ достигъ пріѣзда ко двору.

Король былъ слишкомъ уменъ, чтобы разсчитывать убѣдить меня въ истинѣ воображаемыхъ услугъ и заслугъ графа д'Аваре. Не зная, до какой степени мой взглядъ на все, касавшееся его, былъ точенъ и ясенъ, онъ вообразилъ, что повѣряетъ мнѣ настоящую причину своей привязанности, съ его точки зрѣнія безъ сомнѣнія, именно что этотъ почтенный и достойный другъ, видя, насколько, въ бытность свою въ Кобленцѣ, государь его увлекается графинею Бальби, открылъ ему глаза на эту опасную женщину, и такимъ образомъ оградилъ его репутацію со стороны нравовъ и безопасности. Я все это разсказалъ герцогу Вогижонъ и графу С.-При, и они согласились, что его в-ство злоупотребляетъ правомъ обращаться со мной, какъ съ иностранцемъ, слишкомъ разсчитывая на мое незнаніе дѣла и легковѣріе. Впослѣдствіи, когда дѣло шло о г-жѣ Занло, узнали, что его в-ству всегда было пріятно, чтобъ его подозрѣвали въ небольшой склонности къ прекрасному полу. Дѣло въ томъ, что онъ, отъ рожденія, былъ лишенъ самаго утонченнаго чувства, чувства красоты, и слѣдовательно ничто никогда не могло содѣйствовать къ его развитію.

Шевалье д'Азара, бывшій такъ долго испанскимъ министромъ въ Римѣ и умершій посланникомъ въ Парижѣ, былъ, по его словамъ, сициліанецъ незнатнаго происхожденія. Это былъ человѣкъ средняго роста, носившій отпечатокъ благородства, съ сильнымъ характеромъ, замѣчательнаго ума и обладавшій познаніями преимущественно по древней литературѣ и искусствамъ. Каждое утро, безъ исключенія, перечитывалъ онъ Горація. У него было слишкомъ много такта и вкуса, чтобы его цитировать, особенно по-латыни, но можно было замѣтить, что поэтический духъ, которымъ отличалась его бесѣда, былъ воспитанъ въ этой высокой школѣ. Онъ былъ другъ и покровитель Менга. Артисты и писатели, если только были сколько-нибудь того достойны, находили въ немъ мецената.

Сначала онъ былъ извѣстенъ по своему управленію Римомъ,

которое раздѣлялъ съ нимъ кардиналъ Берни, французскій повѣренный въ дѣлахъ. Дружба ихъ, основанная на короткости ихъ ежедневныхъ сношеній, всегда была искренна. Кардиналъ обладалъ кротостью и мягкостью въ той же степени, какъ шевадье—силой и высокоуміемъ; одинъ успѣвалъ тамъ, гдѣ другой терпѣлъ неудачу. Г. де Берни дополнялъ г. д'Азара въ ловкости, а послѣдній придавалъ энергію первому. Что ускользало отъ перваго, легко давалось второму. По смерти кардинала, Азара остался одинъ господиномъ Рима. Привычка, болѣе чѣмъ религія, составляла основу папскаго могущества, и, со времени французской революціи и послѣ превратностей судьбы, испытанныхъ австрійскимъ императорскимъ домомъ, Испанія одна, можно сказать, поддерживала величіе папскаго престола. Преждевременно утомленный человѣческими слабостями и политическими ошибками, испанскій министръ обратился къ филантропической системѣ, которая отнимала у него часть энергіи.

Онъ не вдругъ увидалъ, до какой степени уклонился отъ своихъ собственныхъ принциповъ и отъ законовъ своего положенія и, гордый воспоминаніями о власти, которой владѣлъ онъ въ продолженіе полувѣка, полагалъ, что достаточно было его „Quos ego“ для удаленія всякой опасности. Онъ полагалъ также, что, занявъ Толентинское ущелье, черезъ которое Бонапартъ готовился перейти, онъ своимъ краснорѣчіемъ и логикой заставить вернуться вспять человѣка, для котораго не было преградъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Азара вдался въ обманъ, наравнѣ съ Франціей и всѣмъ міромъ, и честь его пострадала также наравнѣ съ честью другихъ; по крайней мѣрѣ извиненіемъ ему служили его прошлые успѣхи и хорошія намѣренія. Въ расчетъ человѣческаго самолюбія входитъ преувеличеніе значенія проступковъ тѣхъ, которые казались наименѣе способными ихъ сдѣлать, потому-то такъ много людей, стоявшихъ несравненно ниже Азара по своимъ талантамъ и характеру, старались наложить темныя пятна на ѡведеніе, а въ послѣдствіи и на память шевадье Азара. Вслѣдствіе этого именно я вмѣнилъ себѣ въ обязанность воздать должное памяти Азара, хотя и не раздѣлялъ его мнѣній, отдать справедливость этому благородному и открытому характеру, который никогда не сбивался съ пути чести, и осмѣлился стать выше своего положенія и данныхъ ему инструкцій, когда ему грозила опасность удаленія отъ него. Сейчасъ увидать, что я говорю о немъ съ знаніемъ дѣла. Буду стараться оправдать испанскаго министра, основываясь на нѣкоторыхъ фактахъ его долгой политической карьеры.

Этотъ мало интересный въ данное время предметъ прольетъ нѣсколько свѣта на другіе, которые въ томъ нуждаются, и всегда будутъ возбуждать интересъ.

Климентъ XIV такъ мало рассчитывалъ быть папой, что въ самый день возведенія его въ это достоинство, видя Авара у рѣшетки конклава, поцѣловалъ у него руку съ просьбой оказать ему покровительство у будущаго первосвященника. Это былъ бѣдный монахъ, очень застѣнчивый, по привычкѣ искавшій себѣ покровителей. Ученые не могли понять, почему г. Каррачіоли и другіе писатели хотѣли его выставить въ исторіи за геніальнаго человѣка. Когда испанскій министръ пришелъ съ поздравленіемъ то сказалъ ему: „Обращаюсь съ первой просьбой къ вашему святѣйшеству“. — „Могу ли отказать въ чемъ-нибудь своему благодѣтелю?“ — „Просьба моя заключается въ томъ, чтобы вамъ хорошенько обмывали ноги, потому что этому не придаютъ особаго значенія“. Я откровенно разспрашивалъ министра относительно смерти Климента XIV. Вотъ его отвѣтъ: „Что бы тамъ ни говорили писатели и романисты, знайте, что жизнь этого бѣднаго человѣка никогда ничѣмъ другимъ не была отравлена, какъ только страхомъ передъ ядомъ. Это положительно трусъ, умершій отъ страха“. Предчувствія, непрерывная боязнь его, были такъ сильны, что, вручая кардиналу Берни папскую грамоту объ уничтоженіи іезуитовъ, онъ сказалъ ему: — „Вы этого хотѣли: это мой смертный приговоръ“, и съ этой минуты — впалъ въ агонію. Г. кардиналъ Берни рассказывалъ противное. (Я это слышалъ, между прочимъ, отъ герцоговъ де Ноайль и де Лаваль): онъ приписывалъ смерть отравѣ.

Никто при папскомъ дворѣ не возбуждалъ такъ досады г. Авара, какъ Пій VI. Во-первыхъ, вслѣдствіе возведенія его въ папское достоинство, изъ-за котораго Авара едва не лишился мѣста, потому что мадритскій дворъ не хотѣлъ одно время признавать новаго папу. Поведеніе Броти считалось скандальнымъ: онъ рано достигъ кардинальскаго пурпура, и вовсе не каноническими путями, но судьба явно покровительствовала счастливцу. Испанскій дворъ получилъ о томъ извѣстіе объ избраніи съ отвращеніемъ. Карлъ III горько плакалъ и думалъ отмѣнить баллотировку. Авара нуждался во всѣхъ своихъ умственныхъ способностяхъ и въ дѣйствительной бодрости духа, чтобы воспрепятствовать этому большому скандалу и, быть можетъ, церковной схизмѣ, тѣмъ болѣе опасной для религіи, что враги его, уже явно озлобленные, не пропустили бы такого благоприятнаго случая осмѣять

своего властителя. Но новый папа заставилъ его дорого заплатить за такую большую услугу. Онъ былъ до того упрямъ и грубъ, что каждый день бывали новыя непріятности. Испанскій министръ назначилъ ему въ государственные секретари Буонкомпаньо, умнаго и знатнаго человѣка, младшаго брата князя Піомбино, съ которымъ у него ежедневно бывали непріятности болѣе, или менѣе важныя. Однажды у нихъ дѣло дошло до того, что св. отецъ ударилъ кардинала, который, въ свою очередь, взявъ его святѣйшество за воротъ, порядкомъ поколотилъ его. Г. Азара, тотчасъ же предувѣдомленный объ этой сценѣ, отправилъ слишкомъ горячаго кардинала въ Болонью, а самъ отправился потомъ въ Ватиканъ, гдѣ ожидалъ его папа съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ. Какъ только папа завидѣлъ его издали, такъ закричалъ: „Разскажу вамъ неслыханный случай“. — „Все знаю, св. отецъ, и мнѣніе мое безповоротно“. — „О! негодай представилъ вамъ это дѣло по-своему“. — „Я ему вѣрю: онъ слишкомъ знатнаго рода, чтобы снизойти до лжи“. — „Я желаю, чтобъ вы меня выслушали“. — „Хорошо“. Разсказъ былъ очень длиненъ, а св. разсказчикъ—очень вспыльчивъ, по обыкновенію. — „Ну, что вы о томъ думаете теперь?“ — „Думаю, что кардиналъ держалъ себя по-княжески, а папа—не лучше лакея“.

Тонъ г. Азара съ св. коллегіей (соборомъ кардиналовъ) былъ тонъ визиря съ рабами. Азара самъ находилъ его смѣшнымъ, неприличнымъ, но считалъ необходимымъ, и оставлялъ его не иначе, какъ съ людьми дѣйствительно достойными, что производило тогда большой эффектъ, какъ вообще нѣчто рѣдкое, выдающееся. Онъ меня такъ сильно полюбилъ, что бывало, когда я замѣчалъ передъ обѣдомъ, что я находилъ общество слишкомъ многочисленнымъ, или недостаточно избраннымъ, то приказывалъ приносить два прибора въ гостиную, гдѣ мы обѣдали вдвоемъ, и посылалъ принцессу Сантакросъ въ столовую для пріема гостей. Помню фактъ, который особенно поразилъ меня, хотя самъ по себѣ былъ ничтоженъ. Доложили о кардиналѣ, приверженцѣ Австріи. — „Его надо принять. Вотъ уже десять разъ со вчерашняго дня, какъ онъ проситъ допустить его до меня“. Кардиналъ входитъ, говоритъ нѣсколько словъ на ухо шеваляе, котораго легкій пароксизмъ подагры удерживаетъ на кушеткѣ. — „Жалѣю, что подумалъ, будто ваше в-ство пріѣхали только поблагодарить меня за посланныя книги; но ничего не потеряно. Я пошлю за римскимъ губернаторомъ, намою ему порядкомъ голову, и дѣло уладится“.

Кардиналъ удалился. Послали за губернаторомъ; съ нимъ обошлись, какъ съ послѣднимъ изъ людей, и, полтора часа спустя, кардиналъ вернулся благодарить за быстро оказанную справедливость. Дѣло шло объ убійствѣ его повара. Миѣ необходимо было привести нѣсколько подобныхъ анекдотовъ, чтобы сдѣлать болѣе правдоподобнымъ тотъ, который сейчасъ расскажу; онъ послужитъ отвѣтомъ всѣмъ, хотѣвшимъ выдать г. Азара за якобинца и измѣнника дѣлу Бурбоновъ.

Это было въ 1794 г. Маленькій король Людовикъ ХVІІ только-что умеръ въ рукахъ негодяевъ, которымъ поручили его особу. Азара, какъ и я, былъ въ личныхъ отношеніяхъ и велъ правильную переписку съ *Monsieur* (братомъ Людовика ХVІ, графомъ Прованскимъ, впоследствии Людовикомъ ХVІІІ), поселившимся въ Веронѣ и признаннымъ регентомъ меньшинствомъ дворовъ. Легко было предвидѣть, что принцъ приметъ титулъ короля, но державы и всѣ наши дозволятъ ли смуты? Могли ли бы мы взять на себя отвѣтственность за инициативу! Могли ли мы, не считая личнаго чувства, дать примѣръ низости?—„Другъ мой, сказалъ миѣ Азара, не знаю, что сдѣлаетъ мой дворъ, но знаю хорошо, что онъ долженъ сдѣлать, и я придамъ величія новому королю“. Миѣ, молодому русскому посланнику было не такъ легко, какъ старому министру, увѣренному въ своемъ кредитѣ, разрѣшить такое деликатное дѣло, но я всегда полагалъ, что главное нужно быть благороднымъ, и мы, первые во всей Европы, признали вдвоемъ Людовика ХVІІІ. Когда я принесъ свою ноту шевадье, для отправленія вмѣстѣ съ его, онъ миѣ сказалъ:—„Это не все: надо заставить папу сдѣлать то же, и какъ у васъ нѣтъ никакой официальной роли, вы можете начать атаку. Если получится успѣхъ, то это будетъ важный шагъ, который можетъ увлечь за собой общественное мнѣніе. Если же намъ не удастся, то, по крайней мѣрѣ, мы поступимъ, какъ люди благонамѣренные. Послѣ полудня отправился я въ Ватиканъ. Кардиналъ Зеллада, государственный секретарь, былъ предупрежденъ заранѣе и впустилъ меня къ папѣ. Его святѣйшество принялъ меня, по обыкновенію, очень хорошо; но я засталъ его такимъ боязливымъ, нерѣшительнымъ, и къ тому же столь естественно упорнымъ относительно всего, что не выходило изъ его святѣйшаго мозга, что миѣ надо было отказаться отъ славы внушить ему идею, какъ бы ни была она прилична и серьезна по послѣдствіямъ, которыя могла повести за собою. Г. Азара не потерялъ бодрости духа, и на слѣдующее

же утро самъ принялся за атаку. Послѣдовали просьбы и отказы, возраженія и упорство, угрозы и упрямство. Наконецъ обоюдная вспышка. Министръ вышелъ изъ себя и, въ присутствіи служащихъ прелатовъ, наполнявшихъ пріемную, закричалъ палфъ:— „Ваше в—ство, вы были и будете всегда глупцомъ!“ Св. отецъ, привыкшій, въ продолженіе 30 лѣтъ, къ внутреннему раздору, затаилъ новую обиду, но затѣмъ еще болѣе упорствовалъ въ желаніи не признавать старшаго сына церкви. Впослѣдствіи, когда Испанія, перемѣнивъ систему, завела сношенія съ національнымъ конвентомъ, Авара написалъ королю Людовику XVIII: „Говорятъ, что дворъ мой ведетъ переговоры съ Франціей. Не знаю, будетъ ли продолжаться пенсія вашему в-ству (36 тысячъ піастровъ), но умоляю ничего не предпринимать по этому поводу. Всѣмъ, что я имѣю, я обязанъ покойному королю Карлу III, моему доброму государю. Я получилъ состояніе свое отъ Бурбоновъ, и оно должно перейти къ Бурбонамъ. Глава ихъ дома не долженъ стѣсняться принять доказательство признательности человѣка, который служитъ имъ уже 40 лѣтъ“. Въ то время какъ Авара это писалъ, онъ уже содержалъ на свой счетъ въ Римѣ французскихъ принцессъ и ихъ свиту.

Самая непріятная миссія, которую долженъ былъ выполнить г. Авара въ продолженіе своей долгой дипломатической карьеры, возложена была на него королемъ Карломъ III, который относился къ Авара съ особеннымъ уваженіемъ. Слѣдовало поѣхать въ Неаполь съ письмами, въ которыхъ заключались усиленные просьбы къ королю Фердинанду заточить королеву въ монастырь или тотчасъ же отправить ее въ Вѣну. Но слабость сына разрушила справедливость отца. Оба двора помирились только со смертію послѣдняго, и гнѣвъ королевы не имѣлъ ни границъ, ни конца. Министръ, болѣе спокойный, забавлялся тѣмъ, что приводилъ въ отчаяніе принцессу, которую, къ тому же, публично обвинялъ, будто она хотѣла его отравить. Одна изъ самыхъ удачныхъ его мыслей лучше всего осуществилась, когда онъ велѣлъ поставить въ испанскомъ дворцѣ, въ Римѣ, большую картину, на которой изображенъ былъ король обѣихъ Сицилій, на колѣнахъ принимавшій свой владѣнія, какъ даръ отеческой любви.

Пріѣхавъ впослѣдствіи въ Римъ, королева, съ самой границы, даже фореиторамъ, говорила объ Авара, называя его не иначе, какъ плутомъ, испанскимъ негодяемъ. Когда карета остановилась передъ дворцомъ Фарнезе, королева тогда

только вышла, когда римскій губернаторъ увѣрилъ ее честнымъ словомъ, что Авара выбылъ изъ города, чего онъ не могъ не сдѣлать, вслѣдствіе убѣдительныхъ просьбъ папы. Тѣмъ не менѣе въ случаяхъ, повторявшихся ежедневно все чаще и чаще, когда слѣдовало отдѣлать частные интересы отъ общихъ, министръ придерживался образа дѣйствій, достойнаго общественнаго дѣятеля и честнаго человѣка. Приведу примѣръ достаточно сильный, который не оставитъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его лояльности и откровенности. Регентъ Швеціи, герцогъ Зюдерманландскій, впослѣдствіи Карлъ XIII, поссорился съ неаполитанской королевой, вслѣдствіе оказанной ею протекціи барону Армфельдъ, шведскому министру въ Италиі, замѣшанному въ заговоръ противъ этого принца, который напрасно старался овладѣть имъ въ Неаполѣ. Послѣдовало объявленіе войны, довольно неосторожное со стороны Швеціи, въ виду ея сношеній съ востокомъ, но такъ какъ обѣ воюющія стороны не могли сразиться оружіемъ, то съ обѣихъ сторонъ прибѣгнули къ перу самыхъ адскихъ составителей пасквилей. Королева, боясь новаго памфлета, который выпустить на ея счетъ г. Актопъ, синьоръ Пиранети, шведскій агентъ въ Римѣ, повѣрила мнѣ свои новыя опасенія. Я хотѣлъ убѣдить ее отнестись къ памфлетамъ съ полнымъ презрѣніемъ, но, вмѣсто того, чтобы принять такой мудрый совѣтъ, она умоляла меня спасти ее отъ новаго оскорбленія, мысль о которомъ преслѣдовала ее даже во снѣ. Я обѣщаль подумать о томъ. На слѣдующій день новыя настоятельныя просьбы. Тогда я высказалъ ей, что у меня только одно средство повиноваться ей, средство, которое однако не удобно ни предложить, ни принять. Королева пожелала знать какое. Средство заключалось въ томъ, чтобы обратиться къ шевалье Авара, который, будучи распорядителемъ въ Римѣ, одинъ могъ запретить, или перехватить пасквиль. Что касается меня, я такъ полагаю на принципы этого министра, что вполне былъ увѣренъ въ возможности получить отъ него начальническое распоряженіе, необходимое для успокоенія ея в-ства. Сперва она и слышать не хотѣла; не опасность казалась ей неминуемой, и она согласилась на все. Однако, въ виду того, что при этомъ дворѣ осторожность была далеко не лишняя, я поставилъ условіе ожидаемой отъ меня услуги. Я долженъ былъ написать письмо въ кабинетъ королевы, предоставивъ ей заботу его отправить. Она прочтала его, секретарь ея запечаталъ письмо, и оно было отправлено. Нѣсколько дней спустя прибылъ изъ Рима на мое имя огром-

ный тюкъ. Это было все изданіе и манускриптъ пасквилья. Письмо, сопровождавшее его, было вскрыто только у королевы, которая не устояла противу желанія его прочесть. Азара увѣдомлялъ меня между прочимъ:—„Совѣтую вамъ обратить особенное вниманіе на доказательство уваженія, которое съ удовольствіемъ даю вамъ. Достаточно было одного вашего вмѣшательства, чтобы заставить уважать королевскую корону на той, которая столь недостойна носить ее. Клянусь вамъ всѣмъ для меня священнымъ, что нѣтъ болѣе ни одного листка памфлета ни въ манускриптъ, ни въ печати; но въ то же время примите совѣтъ не такъ легкомысленно оказывать услугу людямъ, неспособнымъ ее оцѣнить“. Дѣйствительно, когда королева захотѣла меня погубить, она поставила въ число причинъ недовольства мной, что, будучи аккредитованъ при ея особѣ, я поддерживалъ такія близкія сношенія съ ея смертельными врагами, что съ обѣихъ сторонъ принесены были большія жертвы. Я полагаю, что впоследствии г. Азара снѣдало большое горе, но безъ угрызенія совѣсти, при воспоминаніи о неудачѣ его переговоровъ въ Толентино. Онъ жилъ, какъ и слѣдовало честному человѣку, привыкшему къ успѣху, но жилъ очень дурно, и слѣдовало простить его врагамъ, также, какъ и всѣмъ не знавшимъ его, за дурное сужденіе о немъ. Его манера держать себя во Франціи была въ зависимости отъ его привычекъ. Однажды, когда Бонапартъ сдѣлалъ видъ, будто не видитъ его и повернулся къ нему спиною, Азара сказалъ громко своимъ сосѣдямъ: „Императоръ думаетъ разсердить меня: онъ видно не знаетъ, что я нисколько не цѣню его вниманія“.—Бонапартъ покраснѣлъ, и минутой спустя, обернувшись, притворился удивленнымъ.—„А! вы здѣсь, г. посланникъ, а я васъ искалъ...“ и обошелся съ нимъ какъ нельзя любезнѣе. Возвратившись какъ-то изъ дворца Бонапарта, онъ сѣлъ на кушетку и испустилъ духъ. Ему было тогда за 70 лѣтъ.

Разговоръ его былъ содержателенъ, остеръ, игривъ, откровененъ, и Іосифъ II, наслаждаясь имъ въ Римѣ, имѣлъ къ нему полное довѣріе, основанное на уваженіи къ его личнымъ достоинствамъ. Когда предметъ разговора увлекалъ Азара, у него являлось вдохновеніе, которое всегда удивляло и часто увлекало все собраніе. Когда рѣчь зашла за столомъ о памфлетахъ, осыпавшихъ насъ, кто-то нескромно замѣтилъ, что, по ихъ мнѣнію, $\frac{4}{10}$ наслѣдниковъ престола были незаконнорожденные.—„Что за бѣда“? живо воскликнулъ Азара: „говорятъ, что Астурійскій принцъ сынъ г. Далокастро, но опять

скажу, какое кому до того дѣло! его воспитываютъ и готовятъ быть королемъ. Испанцы знаютъ, что у нихъ долженъ быть король. Тотъ ли, другой ли, только бы онъ зналъ дѣло и сдѣлалъ ихъ счастливыми. Вотъ главное. Одни измѣнники и дураки откажутся ему повиноваться. Я готовъ это прокричать на мадритскихъ улицахъ, совершенно такъ, какъ говорю здѣсь“.

Сообщилъ Е. С. Шумигорскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

